

ВОСПЕВШИЙ МУЗЫКУ РЕВОЛЮЦИИ

К 100-летию со дня рождения А. А. Блока

страйшую на большой мели, «входит кто-то сильный в сером армяке», становится у руля и уверенно выводит деревянную посудину на стремнину.

Эта сейсмографическая чуткость сердца и слуха поэта к общественным колебаниям вовсе не была неожиданной или случайной для певца Прекрасной Дамы. Мужество меняться — неперемненное свойство высокого таланта. Социальные бури времени сминают слабый, но укрепляют и формируют сильный творческий характер.

Рожденный в доме деда по материнской линии, ректора Петербургского университета А. Н. Бекетова, с детства знакомый с Д. И. Менделеевым, с учениками этих двух выдающихся русских ученых, подростком и юношей Александр Блок естественно, как воздух, вбирал идеи прогрессивно мыслящей русской интеллигенции, явления русской культуры.

Молодость, рано возникшая романтическая любовь к Л. Д. Менделеевой, понятая как предначертание судьбы, прекрасная, переменчивая во времени «декорация» для этой любви — окрестности подмосковного Шахматова — в этом реальные истоки таинственных и возвышенных стихов о Прекрасной Даме. Да и сама их романтическая возвышенность вполне естественна и объяснима: в них мечта о гармонии человеческих отношений в ту пору, когда весь мир, кажется поэту, сосредоточен в собственной душе, а внешний, реальный мир служит как бы комментарием для мира внутреннего.

Это естественно возникшее первичное поэтическое мироощущение Блока, «сдобренное» затем изрядной долей модного в ту пору мистицизма, оказалось для русской поэзии начала века весьма современным, созвучным ее развитию, и выдвинуло молодого автора в ряды лидеров русского поэтического символизма. Но вот что характерно: если для А. Белого, В. Брюсова, К. Балмонта и ряда других поэтов символизм был как бы долговременной творческой программой, для Блока он стал важным, существенным, но лишь начальным этапом сложного творческого пути. Символизм и декаданс, казалось бы, поднявшие знамя перемен и новаторства в литературе и искусстве начала века, постарели раньше, чем их апологеты. Упад на благодатную почву общественно-политической реакции, они вскорости стали расхожей модой. «Теперь у нас мода на декадентство», — писал А. Бенуа. — Богатые люди строят декадентские дома, нарядные дамы заказывают декадентские платья».

Примечательно, что уже в 1904 году Блок стоит в лагере символизма особняком. Это проявляется и в отличной от символистов общественной позиции. (Например в отношении к Русско-японской войне. «700 японцев взлетело от порт-артурских фугасов. Ура!» — экзальтированно восклицал А. Белый. «Великий океан — наше озеро», — громыхал на печатных страницах В. Брюсов. «...Я испачкан кровью», — пишет своему другу поэту Е. Иванову А. Блок). Это проявляется и в

размещении творческих позиций. Вышедшая в октябре 1904 года первая книга поэта «Стихи о Прекрасной Даме» уже как бы отошла от него. «Я не мистик, — пишет он с немалой долей иронии А. Белому. — Для меня и место-то, может быть, совсем не с Тоброй, Провидцем и знающим пути, а с Горьким...»

В эти годы Блок заново переосмысливает мир и свое к нему отношение. Летом он снова в Шахматове. Он ловит себя на том, что, погруженный в кипение мира внутреннего, он как бы не замечал ранее высокой прелести и мудрости природы: того, как растет трава, восходят цветы, мерцают таинственным светом темные лесные болота. Он видит звуки, шорохи и краски природы «не символическими и не мистическими, а изумительными в своей простоте». Пробуждается его интерес к славянским языкам и фольклору, к «подземной музыке русской истории».

Расстреляна, подавлена, потоплена в крови первая русская революция. Жесткая и судорожная хватка Столыпина ощущается во всем. Резок спад общественного движения. Воздух в России кажется протухшим. Попад на родную для себя почву, бурным пустоцветом расцветает декадентское искусство. Блок сомневается, мучается, мечется, но остается верным себе. Закончена драма «Балаганчик». Это — ироническая мистерия, воспроизводящая литературную атмосферу тех лет. В ней злая насмешка над новомодными теориями и течениями, в которых маски, костюмы и картонные мечи подменяют подлинные человеческие лица и чувства. Символы «Балаганчика» прозрачны, они устремлены к тому, «чтобы от истины ходячей всем стало больно и светло». Блок уже открыто и резко размещается с теми, кто подобно Д. Мережковскому, видит в русском народе лишь «грядущего хама». «...Растет предо мной понятие «гражданин», и я начинаю понимать, как освободительно и целебно это понятие, когда начинаешь открывать его в собственной душе», — пишет Блок Е. Иванову в 1908 году. Происходит новый качественный шаг в его поэзии: Блок начинает ощущать себя «пред ликом родины суровой», и никогда уже не оставит его это выстраданное осознание себя поэтом народным, для которого серые избы нищей России и верстовые ее песни сжимают сердце волною нежности, любви и печали. Цикл «На поле Куликовом», завершенный летом 1908 года, один из самых личностных, глубоких и проникновенных поэтических творений в русской литературе, где судьба поэта и судьба России не только неразрывны, но и немислимы друг без друга.

В 1910 году Блок начинает работать над поэмой «Возмездие». По замыслу — это семейная хроника, перенесенная на исторический фон. В поэме, которая осталась незавершенной, поскольку поэт впоследствии не счел возможным писать о предчувствии революции, когда она уже совершилась, точное мироощущение начала века: «По жары дымные заката (про-

рочества о нашем дне), кометы грозной и хвостатой ужасный призраки в вышине, безжалостный конец Мессини (стихийных сил не превозмочь), и неустанный рев машины, кующей гибель день и ночь, сознание страшное обмана всех прежних малодум и вер, и первый взлет аэроплана в пустыню неизвестных сфер... И отвращение от жизни, и к ней безумная любовь, и страсть и ненависть к отчизне... И черная, земная кровь сулит нам, раздувая вены, все разрушающую рубежи, неслыханные перемены, невиданные мятелжи...»

Блок остается чужд извержениям великодержавного патриотизма в годы первой мировой. Война, — отмечает он, — «просто огромная фабрика в ходу, и в этом ее роковой смысл».

Февральская революция 1917 года. Блок назначается редактором стенографического отчета Чрезвычайной следственной комиссии, расследующей деятельность царских министров и сановников. Он с интересом знакомится с анатомией распада царского саиодержавия. Но энтузиазм его недолог. «В нашей редакционной комиссии революционный дух не присутствовал. Революция там не ночевала», — замечает он в письме.

Молодым, веселым и бодрым помнят современники Александра Блока в первые дни Октября. На вопрос анкеты: «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» — Блок отвечает: «Может и обязана». В январе 1918-го поэт создает едва ли не самое значительное свое творение — поэму «Двенадцать», удивительное, новаторское, ныне — хрестоматийное произведение. Из январской метели в ней проступают лик и поступь революции, ее музыка, стихия. Блок видит в революции воплощение чаяний и пророчеств Гоголя и Достоевского. Двенадцать красногвардейцев шагают в этой поэме в будущее, еще не понимая до конца своего державного пути. Поэма вызвала подлинное землетрясение в литературных кругах. Она навсегда поставила имя Александра Блока в первый ряд русских советских поэтов.

В эти дни Блок активно работает на революцию. Он — член коллегии учрежденного Горьким издательства «Всемирная литература», председатель дирекции Большого драматического театра, член редакционной коллегии при Петроградском отделе театров и зрелищ, член коллегии Литературного отдела Наркомпроса, член совета Дома искусств, председатель Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов, член правления Петроградского отделения Всероссийского союза писателей. До конца своей жизни он словом и делом утверждает новую, пролетарскую культуру, своим большим авторитетом художника безоговорочно поддерживая Советскую власть.

Проходит время, меняются поколения, но для каждого из них Александр Блок остается современником. Потому что и любовь, и тяга к обновлению, и личное, глубоко осознанное чувство Родины приходят к человеку не вдруг и не сами по себе. Их питают глубинные, надежные и неизменные родники. Среди таких родников, омывающих корни народного дерева, поэзия Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока.

Подполковник
Ю. БЕЛИЧЕНКО